

УДК 821.161.1

DOI 10.58649/1694-8033-2023-2(114)-178-185

ПАРШУТИНА В.А., АНДРОНОВА Л.И.

А.С. Пушкин атындагы Ленинград мамлекеттик
университети Санкт-Петербург мамлекеттик университети

ПАРШУТИНА В.А., АНДРОНОВА Л.И.

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
Санкт-Петербургский государственный университет

PARSHUTINA V.A., ANDRONOVA L.I.

Pushkin Leningrad State University
St Petersburg State University

ORCID:0009-0009-1813-3729²

«НОВЫЙ ГОД (ИЗ ЗАПИСОК ЛЕНИВЦА)» ЖАНА «УТРО ЖУРНАЛИСТА (ИЗ ЗАПИСОК
ЛЕНИВЦА)» ПОВЕСТТЕРИ В. Ф. ОДОЕВСКИЙДИН БНТПӨГӨН ЦИКЛИНИН БИР
БӨЛНГҮН КАТАРЫ

**ПОВЕСТИ «НОВЫЙ ГОД (ИЗ ЗАПИСОК ЛЕНИВЦА)» И «УТРО ЖУРНАЛИСТА
(ИЗ ЗАПИСОК ЛЕНИВЦА)» КАК ЧАСТИ НЕЗАВЕРШЕННОГО ЦИКЛА
В. Ф. ОДОЕВСКОГО**

**THE STORIES "NEW YEAR (FROM THE NOTES OF A LAZY MAN)" AND "MORNING
OF A JOURNALIST (FROM THE NOTES OF A LAZY MAN)" AS PARTS OF V.F.
ODOEVSKY'S UNFINISHED CYCLE**

Аннотация: В статье рассмотрены повести В.Ф. Одоевского «Новый год (Из записок ленивца)» и «Утро журналиста (Из записок ленивца)». Обозначены произведения, с которыми они соотносятся ввиду жанровой принадлежности, темы и образа автора (псевдонима). Проанализированы способы циклизации в творчестве В.Ф. Одоевского. Рассмотрены образ персонажа-ленивца, форма записок, схожие мотивы, композиция, хронотоп и система персонажей. Сделан вывод о том, что данные произведения относятся к незавершенному циклу «Записки ленивца».

Аннотация: Макалада В.Ф. Одоевскийдин «Новый год (Из записок ленивца)» жана «Утро журналиста (Из записок ленивца)» повесттери каралды. Бул повесттер жанры, темасы жана автордун образы (псевдоним) боюнча таандык болгон чыгармалардын циклдери бөлннгөн. В.Ф. Одоевскийдин чыгармачылыгындагы циклизациянын методдору талдоого алынган. Жалкоо каармандын образы, жазуулардын формасы, окшош мотивдер, композиция, хронотоп жана образдык система каралды. Бул чыгармалар «Записки ленивца» бнТПӨГӨН циклине кирет деген тыянак чыгарылды.

Abstract: The article considers the stories of V.F. Odoevsky "New Year (From the Notes of a Lazy Man)" and "Morning of a Journalist (From the Notes of a Lazy Man)" in the aspects of genre nature analysis, themes and author's image (pseudonym). The methods of cyclization in Odoevsky's work are noted. The image of the character-sloth, the form of the notes, the similar motifs, the composition, the chronotope and the system of images are studied as well. It concludes that these works belong to the unfinished cycle "The Notes of a Lazy Man".

Негизги сөздөр: В. Ф. Одоевский, бтпөгөн адабий цикл, жанрдык табият, композиция, тематика, персонаж, «Новый год», «Утро журналиста», «(Из записок ленивца)».

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, незавершенный литературный цикл, «Новый год», «Утро журналиста», «(Из записок ленивца)».

Keywords: V.F. Odoevsky, unfinished literary cycle, "New Year", "Morning of a Journalist", "(From the Notes of a Lazy Man)"

Для В.Ф. Одоевского «в высшей степени характерно "циклическое" художественное мышление» [1, с. 3]. Его творчество насчитывает более пятнадцати циклов, самые известные из которых «Русские Ночи», «Индийские предания», «Записки Гробовщика», «Пестрые сказки с красным словом...», «Сказки бабушки Ирины» и т.д. Многие из них остались незавершенными, поэтому уже написанные произведения впоследствии стали составляющими других единств. Так, новеллы для «Дома Сумасшедших» вошли в состав «Русских ночей», повесть «Новый год (Из записок ленивца)» была помещена во второй том собрания сочинений («Домашние разговоры») и т.д. В основном произведения В.Ф. Одоевского образуют циклы за счет единой темы, обзорной композиции, повторяющихся мотивов, фабулы путешествия, одного пространства места действия, фигуры рассказчика, ситуации «вечеров» и особого типа героя. Последний принцип циклизации преобладает в незавершенных «Записках ленивца», к которым относятся повести «Новый год» и «Утро журналиста». Напомним сюжеты этих произведений.

Повесть «Новый год (Из записок ленивца)» (написана в 1831 г., опубликована в «Литературных прибавлениях к "Русскому инвалиду"» в 1837 г.) начинается обращением к читателю, знакомящему с автором записок – ленивцем, утверждающим, что он никогда не жил, а лишь наблюдал за жизнями других. В доказательство герой вспоминает три предновогодних вечера с разницей в несколько лет. Внимание рассказчика направлено на его товарища Вячеслава, романтические и идеалистические ценности которого с каждой встречей меняются из-за столкновения с общественной средой, в результате чего происходит духовное обнищание персонажа. В повести поднимаются вопросы о смысле жизни и ее быстротечности, подлинности и поддельности, столкновении высоких идеалов и грубой действительности, «обыкновенной истории» гибели юношеских надежд и погружения души тину повседневности, о соотношении истинного творчества и ремесленничества [2, с. 114].

«Утро журналиста (Из записок ленивца)» (опубликовано в 1839 г. в «Отечественных записках») повествователь излагает читателям свою затейливую систему: чтобы человек что-либо сделал, надо просидеть у него все утро, мешать ему и надоесть, и тогда он точно исполнит вашу просьбу. Друг просит рассказчика о положительной рецензии в журнале на его посредственные детские стихи. Нарратор приходит в гости к своему школьному приятелю-журналисту, начинает применять «систему» к нему. Однако все идет не по плану – журналиста не отвлекает от работы присутствие приятеля, равно как и поток работников издательства, друзей, наполняющих кабинет. В повести описывается процесс подготовки журнала к печати со всеми возникающими трудностями. Журналист освещает задачи периодического издания, принципы работы издателя и современное состояние журналистики. Отчаявшийся повествователь уходит, не только не получив положительного отзыва о стихах друга, но и не сумев отговорить журналиста не печатать разгромную рецензию на эти тексты.

Важен жанр произведений, так как это один из возможных способов циклизации в творчестве Одоевского (вспомним новеллы для «Дома сумасшедших», «Сказки дедушки Иринея», серию апологов). Изберем такое жанровое определение для «Нового года» и «Утра журналиста», как повесть. Белинский отметил ее краткость и возможность быстро откликаться на явления жизни: «Краткая и быстрая, легкая и глубокая вместе /.../ вырывает листки из великой книги /.../ жизни» [3, с. 150]. В ее «тесных рамках» можно описать такие события и мгновения, в которых выражается глубинный смысл бытия» [Там же]. Помимо повести, исследователи (М.А. Турьян, П.Н. Сакулин, Е.В. Душечкина и др.) определяют «Новый год» как рассказ, новогодний рассказ и новеллу. Поэтому произведение включают в сборники новогодних текстов. «Утро журналиста» часто относят к фельетону, очерку или очерку-фельетону. Произведение исследуется вместе с публицистикой автора – «Записками для моего прапраправнука о русской литературе», «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе», работами по журналистике.

Другим возможным способом циклизации является образ автора. Одоевский известен своими многочисленными псевдонимами. Достаточно популярным из них был «Безгласный», которым и обозначена повесть «Новый год». Отметим произведения автора под этим псевдонимом с незначительными вариациями: «Пестрые сказки...» Иринея Модестовича Гомозейки по авторскому замыслу собраны В. Безгласным (1833 г.), «Катя или история воспитанницы» (1834 г.) – подпись: ь. ь. й. Безгласный, «Княжна Мими» (1834 г.) – В. Безгласный, «Петербургские письма» (1835 г.) – В. Безгласный и «Кто сумасшедшие?» (1836 г.) – Безгласный. Псевдоним, используемый в течение пяти лет, обретает разное звучание в этих работах, но схожей чертой приведенных произведений является описание несправедливости, проявляющейся по отношению к человеку. Псевдоним противопоставлен повествованию, хотя нарратор прямо и дидактически, как другие герои Одоевского, не высказывает свою позицию. Безгласный описывает уклад светской жизни («Княжна Мими»), будущего России («Петербургские письма»), точку зрения «гениальных безумцев» («Кто сумасшедшие?») и переход от восторженных романтических стремлений к практицизму («Новый год (Из записок ленивца)'). Псевдоним «Утра журналиста» «Размоткин» использован только в этой повести. Он характеризует недалекого, ничего не представляющего из себя человека, который вечно куда-то «мотается», растрчивает силы на ненужные светские дела; выражения «плести интриги» и «распускать слухи», возможно, связаны с семантикой фамилии.

Таким образом, повести не формируют между собой цикла ни за счет единого образа автора, ни из-за различных жанровых определений. Казалось бы, эти принципы противоречат образованию общего цикла и объединяют произведения с совсем другими текстами. Однако цикл «Записки ленивца» создается за счет других приемов, наиболее важным из которых является общий подзаголовок «Из записок ленивца».

творчестве В.Ф. Одоевского, помимо «Записок ленивца», есть другие циклы «записок». Наиболее завершенные из них – «Записки путешественника» и «Записки гробовщика». Все они образуют циклы разными способами. В «Записках путешественника» единство возникает, главным образом, из-за фабулы путешествия. В творчестве Одоевского есть еще одно произведение с подзаголовком, обозначающим персонажа-путешественника – «Imbrogljo (Из записок путешественника)». Однако оно не входит в цикл «Записки путешественника» из-за хронотопа Италии и активного нарратора, а принадлежит к

нереализованному итальянскому циклу наряду с незавершенными романами «Винченцо и Цецилия», «Джордано Бруно и Петр Арентино» и «Дедушкиными сказками (Каллиодора)». «Записки гробовщика», по замыслу Одоевского, должны были состоять из тринадцати рассказов, центральная фигура которых – гробовщик Григорий Мартынович [4, с. 138]. Из них написаны и напечатаны были только три: «Сирота» («Альманах на 1838 год»), «Живописец» («Отечественные записки», 1839, т. 4), «Мартингал» («Петербургский сборник», 1846). Об этом цикле М.А. Турьян пишет: Одоевский «конструирует» довольно искусственную «модель» гробокопателя – художественную натуру, склонную к «философическим мечтаниям», человека с университетским образованием, «деклассировавшегося» лишь силою жизненных обстоятельств и наблюдающего жизнь своих клиентов во всей ее социальной пестроте как бы «извне» – отстраненно и «философски» [5, с. 236]. Цикл должен был заканчиваться рассказом «Смерть гробовщика», то есть он образуется за счет биографии Григория Мартыновича. Цикл «Записки ленивца» по раннему замыслу формировался бы схожим образом: «если они [несколько дней из *не моей* жизни]... не слишком наскучат, то расскажу и про другие» [6, с. 35]. Однако следующего произведения от этого же нарратора не появляется, поэтому замысел автора перестраивается по тематическому принципу – одного из главных в творчестве Одоевского. Например, в «Доме Сумасшедших» показан целый ряд «гениальных безумцев». В цикле об общении человека со стихийными духами («Косморама», «Саламандра», «Сильфида» и ненаписанная «Ундина») такой же принцип объединения произведений. В «Записках ленивца» представлены разные типы лени. В «Новом годе» герой бездействует, потому что не может существовать вне уже утраченного, дружественного к нему мира. В «Утре журналиста» ленивый человек празден и погружен в пошлую суету («...вы осыпаете его рассказами о вчерашнем бале, о новой танцовщице, об устрицах, о литературе...») [7, с. 180].

Для подтверждения этого положения обратимся к текстам эпохи, в которых уделяется внимание лени. В «Лихой болести» И.А. Гончарова лень приравнивается к «геройскому равнодушию к суете мирской» и заключается в постоянном лежании. Лежачею жизнью герой «приобрел все атрибуты ленивца: у него величественно холмилось и процветало нарочито большое брюхо; вообще всё тело падало складками, как у носорога, и образовывало род какой-то натуральной одежды» [8, с. 32]. Такая лень вызывает болезни. Этот тип лени не описан ни в «Новом годе», ни в «Утре журналиста». Можно предположить, что он мог быть представлен в нерезализованной части цикла.

первой половине XIX века распространено понимание лени как счастливого досуга, возникшее еще в анакреонтической поэзии. В «Словаре языка А.С. Пушкина» [9, с. 491] находим: Ленивец (употребляется 16 раз) – ленивый человек, лентяй; лицо, предающееся праздности, лени, неге... Пример из «Евгения Онегина»: « Вот время: добрые ленивцы, // Эпикурейцы-мудрецы, // Вы, равнодушные счастливыцы, // Вы, школы Левшина птенцы... // Весна в деревню вас зовет, Пора тепла, цветов, работ». Другой пример: «..Ведь есть // Такие праздные счастливыцы, // Ума недалежного ленивцы, // Которым жизнь куда легка!» («Медный всадник»). Этого типа тоже нет в написанной части цикла «Записки ленивца».

И.А. Гончаров сообщал Ю.Д. Ефремовой 20 августа 1849 г. из Симбирска: «Здесь я окончательно постиг поэзию лени, и это – единственная поэзия, которой буду верен до гроба, если только нищета не заставит меня приняться за лом и лопату» [10, с. 84]. В письме к К.Н. Посьету от 25 августа 1873 г. он пишет: «...эта лень... даже скорее добродетель, нежели порок: ибо, будь я деятелен и прилежен, – каких бы новых глупостей натворил я еще

вдобавок к старым [10, с. 137]. В приведенных примерах лень воспринимается как положительное качество, такое ее восприятие близко «Новому году» В.Ф. Одоевского.

сборнике «Хорошо или дурно жить на свете?» И.А. Гончарова пародийно описывается кружок, близкий представленному в «Новом годе». Его называют «поприщем лени», особым миром, где «слаще лениться». «Ум как стоячая вода; он испаряется теориями умозрениями, методами и системами, заражающими жизнь нравственным недугом – скукою; из этого болота почерпается только мертвая вода; а для прозябания ума нужно вспрыскивать его еще живой водой» [8, с. 510]. Схожее отношение и у В.Г. Белинского в статье «Русская литература в 1845 году». «Романтические ленивцы /.../ вечно бездеятельные или глупо деятельные мечтатели /.../ небрежно, в сладкой задумчивости, опустив руки в пустые карманы, прогуливаются /.../ по дороге жизни, глядя всё вперед, туда, в туманную даль, и думают, что счастье гонится за ними, ищет их и вот – того и гляди – наконец найдет их и бросится в их объятия, чтоб никогда уже не расставаться с ними. "О, что-то сулишь ты мне, таинственный новый год!" – восклицают они в стихах и в прозе...» [11, с. 379]. Жизнь таких людей заключается в том, чтобы «не жить, но мечтать и рассуждать о жизни» [Там же]. Белинский пишет, что еще недавно такой тип людей был «героями своего времени»: «Это высокие натуры, презирающие толпу /.../ Недовольство судьбою, брань на толпу, вечное страдание, почти всегда кропанье стихков и идеальное обожание неземной девы – вот родные признаки этих "романтиков" жизни. Первый разряд их состоит больше из людей чувствующих, нежели умствующих. Их призвание – страдать, и они горды своим призванием» [Там же].

Наиболее близким к ленивцу, представленному в «Утре журналиста», являются парижанки из сборника «Парижские тайны». «На маслянице, в дни карнавала парижанки забывают свою лень, их внезапно пробуждает голос наслаждений. Представляется случай блеснуть на собраниях. Эти существа, в иные минуты кажущиеся полуживыми, неожиданно приобретают изумительную подвижность, позволяющую им легко переносить усталость от балов; вот где они проявляют полнейшую неутомимость! Бессонные ночи им нипочем: они проводят их напролет в неистовых танцах. На следующий день мужчины встают усталые, женщины же кажутся освеженными и похорошевшими» [12, с. 356–357]. То есть ленивый человек не значит апатичный. Это может быть праздный человек, который сделает все, чтобы достичь своих личных целей. Например, в «Горе от ума»: «Немножко поотстал, ленив, подумать ужас! // Однако ж я, когда, умишком понатужась, // Засяду, часу не сижу, // И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу, // Другие у меня мысль эту же подцепят, // И вшестером, глядь, водевильчик sleпят» [13, с. 106]. В «Утре журналиста» повествователь не добивается согласия похвалить в журнале плохие детские стихи друга, но образ мышления героев одинаков. Они придаются праздности, но как только видят цель, забывают о своей лени и делают все для ее достижения. Так, герой в «Утре журналиста» придумал целую «систему» для того, чтобы другие выполняли его просьбы.

Таким образом, разных типов персонажей-ленивцев оказывается достаточно, чтобы подтвердить предположение об одном из самых существенных принципов циклизации повестей «Новый год» и «Утро журналиста» – тематическом.

обеих повестях присутствует композиционная рамка в виде обращения к читателям воспоминания о некоторых эпизодах. Для большей подлинности происходящего произведения написаны в форме «записок». «Жанр "записок"... не имеющий четкой канонической формы, наиболее подвижный и способный вбирать в себя другие жанры,

обладающий, однако, единственным ограничением – повествование от первого лица, – этот жанр стал шагом на пути к психологизму натуральной школы» [14, с. 15]. В «Утре журналиста» и «Новом годе» он восходит к форме дневника. «Дневниковое повествование занимает как раз то самое, наиболее благоприятное для возникновения лирической атмосферы "промежуточное" положение во времени, когда яркость и непосредственность переживания еще не утрачены, однако уже есть возможность итоговых обобщений, постижения "сути" и т. п.» [15, с. 294]. В центре повествования обеих повестей находятся два героя, они бывшие школьные или студенческие товарищи, поэтому мотив прошлого, счастливого времени находим в обоих текстах. В «Новом годе» нарратор в каждом действии вспоминает особый дружеский мир, который дополнительно маркируется магическими числами 12, 3 и 1. Этим числам с каждым эпизодом становится все меньше, равно как и местоимения «мы», от которого ведется повествование. В первом действии – компания «человек двенадцать» [6, с. 36], комната на третьем этаже, три бутылки шампанского, «на одних вольтеровских креслах сидели... три человека» [6, с. 36], «уселись на трех квадратных саженьях» [там же], в компании один лидер – Вячеслав. Во втором действии Новый год отмечается втроем за маленьким столиком (Вячеслав, жена и герой), они «в двенадцать часов чокнулись» [6, с. 40], у Вячеслава один сын, одна надежда, герои встречают Новый год с одной бутылкой вина. В третьем действии герой-рассказчик остался один «перед кувшином зельцерской воды» [6, с. 42]. В «Утре журналиста» тоже затрагивается прошлое: «Он принял меня очень радушно, оставил свою работу, вспомнил былое, нашу старую приязнь в училище...» [7, с. 184].

Несмотря на то, что в «записках» повествователь представлен «как субъект совершающейся рефлексии» [16, с. 61], в обеих повестях самоанализ не совершается до конца. Персонаж в «Утре журналиста» после обеда «заялся философическим вопросом о том: как люди решаются что-нибудь делать на этом свете? Думал, думал, и нечувствительно проспал почти до полудня» [7, с. 208]. А герой «Нового года» снова заикливается на своем отчаянии: воспоминания не могут сподвигнуть его к активным действиям. В конце обеих повестей нарратор остается один; повествование обрывается. В «Утре журналиста»: «Когда я проснулся, на моем столе уже лежал мокрый номер журнала моего приятеля!» [7, с. 208]. В «Новом годе»: «Этот Новый год я встретил один, перед кувшином зельцерской воды, в гостинице для проезжающих» [6, с. 42]. К тому же, как только рассказчик в «Новом годе» попадает к Вячеславу, а герой «Утра журналиста» к своему приятелю, все внимание переключается на этих ярких личностей, и присутствие нарратора на время перестает ощущаться. Вячеслав и журналист одинаково пафосны и дидактичны. «Предназначение» Вячеслава в первом действии – «развивать идею поэзии» [6, с. 39], а журналист говорит, что «великая цель» журнала – «мирить и соединять науку с жизнью» [7, с. 204].

в обоих произведениях героям противостоит среда – журналист противостоит ей и его журнал выходит к сроку; напротив, нарратор повести «Новый год» не может подстроиться под изменившиеся обстоятельства, а Вячеслав поглощается средой петербургской праздной жизни. Противопоставлены трепетное отношение к дружбе в «Новом годе» и друзья журналиста, переложившие критическую статью г. Выбойкина о журнале приятеля на стихи и мешающие ему работать. Вячеслав в первом действии – поэт, его стихи нравятся друзьям: «...долго потом, встречаясь, мы... приветствовали друг друга стихами нашего поэта: они наводили светлый, радужный отблеск на все наши мысли и чувства» [6, с. 39]. В «Утре журналиста» эта же ситуация представлена иронически –

бездарный поэт говорит: «Я занимаюсь поэзией так, шутя, за завтраком; но мои друзья находили во мне много таланта... Впрочем я с ними разсорился...» [7, с. 195].

обеих повестях затронуты эпизоды биографии Одоевского, его мировоззрение на работу журнала. В «Новом годе» описан кружок Любомудров, председателем которого был Одоевский. Собрания проходили в его квартире, которая напоминает изображенную в первом действии «Нового года», – она также тесна и завалена книгами. Как и в жизни писателя, в повести описывается последующий распад общества Любомудров, произошедший после восстания на Сенатской площади. В 1826 году В.Ф. Одоевский поступил на государственную службу и переехал в Петербург. Кроме того, в «Новом годе» упоминается журнальная полемика с «Северной пчелой» вокруг комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Журнальная брань сотрясала воздух обеих столиц. Расходившегося Одоевского увещевали с обеих сторон – но тщетно» [5, с. 79]. В «Утре журналиста» тоже изображена журнальная деятельность Одоевского, его воззрения на работу периодического издания. Теперь он видит единственное средство борьбы с торговым направлением в литературе в плодотворной работе, а не в спорах. Таким образом, в обеих повестях затрагиваются темы человека и среды, дружбы и журналистики, но они представлены противоположным образом.

Обе повести небольшие, но за счет композиции, множества поднимаемых вопросов и динамики повествования они насыщены событиями. В «Новом годе» описаны три новогодние ночи, каждая из которых короче предыдущей, в «Утре журналиста» на двух первых страницах разворачиваются неудачная встреча, встреча, благодаря которой человек добивается желаемого, а после идет основной для повести эпизод с журналистом. Каждая из описываемых ситуаций, наоборот, длиннее предыдущей. В «Новом годе» динамика создается из-за перечисления перемещений нарратора, предпринимаемых, чтобы встретиться Вячеславом, и последующих описаний интерьера; в «Утре журналиста» такую функцию выполняет непрерывающийся поток посетителей. Для героев особое значение придается времени – журналисту надо к завтрашнему дню выпустить журнал; в «Новом годе» герои первого «действия» спорят о точности часов, которые упоминаются в каждом эпизоде. Именно часы указывают на опошление образа Вячеслава – в третьем «действии» студенческие деревянные часы, символизирующие высокие стремления, заменяются часами госсос.

Перечисленные мотивы и композиционные черты не являются особенностями этих повестей и встречаются в других текстах В.Ф. Одоевского. Вместе с тем этих черт оказывается достаточно, чтобы считать их дополнительным аргументом к формированию единства. Таким образом, незавершенный Одоевским цикл «Записки ленивца» формируется за счет темы, формы «записок», общих мотивов и похожей композиции.

Список цитируемых источников:

Турьян М.А. Сказки Ириней Модестовича Гомозейки: Примечания к факсимильной части. М., 1991. 50 с.

Сытина Ю.Н. Повесть В.Ф. Одоевского «Новый год» и образ «вчерашнего» романтического героя на страницах «Литературных прибавлений к "Русскому инвалиду"» // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. М., 2015. № 5. С. 113–119.

Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. 574 с.

Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Кн. В.Ф. Одоевский: Мыслитель. Писатель. Т. 1.2. М., 1913. 622 с.

Турьян М.А. Странная моя судьба: о жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991.

с.

Одоевский В.Ф. Сочинения: в 2 т.: Повести / Сост. и коммент. В.И. Сахарова. Т. 1. М., 1981. 365 с.

Одоевский В.Ф. Утро журналиста (Из записок ленивца) // Словесность. Отечественные записки. Т. 7. № 12. СПб., 1939. С. 179–208.

Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб., 1997. Т. 1. 832 с.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000. 1088 с.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 15. СПб., 2017. 554 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955. Т. 9. 804 с.

Мерсье Л.С. Картины Парижа / пер. В. А. Барбашево и ред., коммент. Е.А. Гунста Т.2. 1936. 493 с.

Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. СПб., 2006. Т. 1. 697 с.

Скрипник А.В. Специфика жанра «Записок» в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя и «Сильфиде» В.Ф. Одоевского // Вестн. Том. гос. ун-та. Томск, 2008. №306. С. 15–17.

Маркович В.М. О лирико-символическом начале в романе Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. № 4. М., 1981. С. 291–302.

Киселев В.С. Телеология «Сочинений князя В. Ф. Одоевского» (1844): принципы составления, композиция, жанровое целое // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2008. №2. С.

45–62.